

RU

Стратегии перевода чувашской поэзии в русской и английской лингвокультурах (на материале поэмы Л. Филипповой «Ҷеҫпӗл йӗрӗпе»)

Иванова А. И.

Аннотация. Цель работы – установление системных закономерностей перевода поэтического текста с миноритарного чувашского языка на русский и английский языки. Материалом исследования послужила поэма Л. И. Филипповой «Ҷеҫпӗл йӗрӗпе». Работа сосредоточена на сравнительно-сопоставительном анализе фрагмента чувашской поэмы и его русской и английской версий. Исследование выявляет различные переводческие стратегии: от семантической близости с оригиналом до творческих трансформаций и интерпретаций. Научная новизна заключается в создании таксономии переводческих решений для передачи культурно-специфических концептов, поэтических образов и эмоционально-смысловой доминанты чувашскоязычной поэзии в русскоязычной и англоязычной лингвокультурах. В результате исследования установлен спектр ключевых переводческих стратегий, характерный для пар чувашский – русский и чувашский – английский в поэзии: от точной транслитерации имен собственных до креативной трансформации образов. Определено, что каждый перевод формирует новую эмоционально-смысловую доминанту. Для русского перевода характерны романтизация и концептуализация образов в рамках знакомой русскоязычному читателю культурной парадигмы. Английскому переводу свойственны драматизация, эмоциональная экспрессия и соматизация переживаний, ориентированные на создание непосредственного эффекта для международной аудитории.

EN

Strategies for translating Chuvash poetry in Russian and English linguocultures (based on L. Filippova's poem “Ҷеҫпӗл йӗрӗпе”)

A. I. Ivanova

Abstract. The research aims to establish systemic patterns in the translation of poetic texts from the minority Chuvash language into Russian and English. The research material is L. I. Filippova's poem “Ҷеҫпӗл йӗрӗпе”. The study focuses on a comparative analysis of a fragment of the Chuvash poem and its Russian and English versions. The research identifies various translation strategies, ranging from semantic proximity to the original to creative transformations and interpretations. The scientific novelty lies in the development of a taxonomy of translation solutions for conveying culturally specific concepts, poetic images, and the emotional-semantic dominant of Chuvash-language poetry within Russian and English linguocultures. As a result of the study, a spectrum of key translation strategies characteristic of Chuvash-Russian and Chuvash-English poetic pairs was established, from the precise transliteration of proper names to the creative transformation of images. It was determined that each translation forms a unique emotional-semantic dominant. The Russian translation is characterized by the romanticization and conceptualization of images within a cultural paradigm familiar to the Russian reader. Conversely, the English translation is marked by dramatization, emotional expressiveness, and the somatization of experiences, aimed at creating an immediate impact on an international audience.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена востребованностью современного переводоведения в выявлении спектра кросс-культурной перекодировки лирических образов в произведении о поэте М. Сеспеле, значимостью определения тенденций переводческого трансфера чувашского поэтического текста средствами русского и английского языков.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: выполнить сравнительно-сопоставительный анализ трех текстов – оригинала на чувашском языке и его переводов на русский и английский языки, – выявляя точки семантического и стилистического соответствия и расхождения; определить конкретные стратегии, примененные переводчиками; обобщить полученные данные в виде таксономии переводческих решений, наиболее эффективных для передачи культурно-специфических элементов и поэтической образности чувашского текста в русскоязычной и англоязычной среде.

Использованные методы исследования обусловлены необходимостью достижения цели и решения поставленных задач. Контекстуальный лингвистический анализ позволил изучить лексические, семантические и стилистические особенности оригинального текста на чувашском языке с учетом культурно-языковых реалий. С целью исследования художественных средств языка и их функций в тексте использовался стилистический анализ. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выявить стратегии семантической близости и трансформаций между оригиналом и переводами. Анализ переводческих трансформаций дал возможность классифицировать приемы, использованные переводчиками.

Материалом исследования является фрагмент чувашскоязычной поэмы поэтессы, члена Союза писателей России Л. Филипповой «Şeşpël йёрёпе» («По следам Сеспеля»), тематически сфокусированный вокруг мотивов любви и творческого становления классика чувашской литературы М. Сеспеля, и его переводы на русский (переводчик Л. Петрова) и английский (переводчик Н. Колесникова) языки.

Перевод на русский язык всех приводимых примеров на чувашском и английском языках выполнен автором статьи.

Теоретическую базу исследования составили работы в области сравнительно-сопоставительной лингвистики и теории перевода В. Г. Гака (1998), предлагающего системный взгляд на причины, типы и механизмы преобразований как внутри языка, так и при переводе; И. Г. Жировой, И. Н. Филипповой, Н. Г. Епифанцева (2023), исследующих вопросы межкультурного и межъязыкового взаимодействия; В. В. Сдобникова, К. Е. Калинина, О. В. Петровой (2019), рассматривающих проблемы определения стратегии перевода; Л. А. Манерко (2013), раскрывающей вопросы выявления знаний и их структур в дискурсе художественного произведения и академическом дискурсе; Дж. Лакоффа, М. Джонсона (2023), излагающих основы когнитивного подхода к стилистическим фигурам, в частности к метафоре.

В качестве инструментария для систематизации выявленных переводческих решений в работе использована классификация переводческих трансформаций, опирающаяся на теоретические положения и терминологический аппарат, разработанные И. Н. Артемьевой (2020), Л. С. Бархударовым (2023), В. Н. Комиссаровым (2023).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты предоставляют конкретные тактики и стратегии для переводчиков, особенно с миноритарных языков. Выявленные приемы перевода могут послужить инструментарием для решения типичных проблем передачи культурно-специфических концептов и поэтической образности. Материалы и выводы исследования могут быть интегрированы в учебные программы по переводоведению, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации.

Обсуждение и результаты

В рамках лингвистической теории перевода «неизменный научный интерес вызывают переводческие решения, к которым приходят переводчики художественных произведений» (Камилова, 2023, с. 109), поскольку каждый такой выбор является результатом сложного взаимодействия между исходным текстом, личностью транслятора и ожиданиями целевой аудитории. «Удачно подобранные речевые средства» (Камилова, 2023, с. 109) не просто обеспечивают формальную эквивалентность, а позволяют максимально приблизить перевод к оригиналу на уровне эстетического воздействия, авторского стиля и концептуального содержания.

Подбор эквивалента при переводе осуществляется с оглядкой на контекст: буквальный эквивалент не всегда уместен в рамках целостного высказывания, а выбранный вариант должен органично вписываться в ткань перевода (Демьянков, 2023, с. 28). Обеспечение смысловой эквивалентности зачастую предполагает отклонение от буквального перевода, что актуализирует поиск адекватных смысловых субститутов в системе языка перевода (Беднова, 2022, с. 11).

Эта сложность обусловлена самой природой художественного текста, который представляет собой целостный «текстовый мир». Он возникает на пересечении авторской интенции, материализованной в системе языковых и нарративных средств, и когнитивной активности реципиента, который достраивает имплицитные смыслы, опираясь на собственный опыт (Огнева, Высочина, 2025, с. 4816). В акте художественной коммуникации сталкиваются уникальные индивидуально-авторские и читательские картины мира, что порождает диалектику между вариативностью выражения смысла и множественностью его восприятия. Осмысление текста осуществляется каждым участником сквозь призму персональной системы ценностей и когнитивного опыта (Хвесько, Басуева, 2024, с. 110). В контексте перевода этот процесс усложняется, так как переводчик выступает в уникальной двойной роли: сначала как реципиент оригинала, конструирующий этот мир в своем сознании, а затем как создатель нового текста, который должен индуцировать сопоставимый мир в сознании иноязычного читателя. Задача перевода, таким образом, заключается не в механическом переносе языковых единиц, а в тонком межкультурном посредничестве – создании на языке-реципиенте такой системы средств, которая, взаимодействуя с иным когнитивным опытом новой аудитории, породит максимально адекватную версию исходного текстового мира.

Переводчик художественного текста одновременно выступает исполнителем и соавтором, что подразумевает не просто передачу смысла, а творческое пересоздание оригинала. Это неизбежно ведет к расхождению с уникальным авторским видением, стилем и образами (Иванова, 2025, с. 2051).

Именно эта двойственность задачи переводчика – баланс между семантической верностью исходному тексту и творческой адаптацией для новой аудитории – делает сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и его переводов ключевым инструментом для изучения переводческих решений.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный анализ, опирающийся на указанные теоретические предпосылки, позволяет выявить, как стратегии семантической близости к оригиналу и элементы трансформации реализуются на практике в русском и английском переводах поэмы.

Вёреннэ эсё Теччёре.
Унта ситме май тупрам.
Пӑлханчӑ кӑкӑрта чӑре,
Асамлӑн сисрӑ туртам (Филиппова, 2025, с. 7).

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Тетюши – славный городок, С ним связано немало: Рождение бессмертных строк, Любви твоей начало... (Филиппова, 2025, с. 18).	We will meet in Tetyushi once. Oh, what a place! Here all is dear! For all spring days behind, my heart – So childish, holy sense appear – Is beating in my chest so hard (Филиппова, 2025, с. 30).

Топоним *Теччӑ* транслируется на русский язык через устоявшийся экзоним *Тетюши*, а на английский – посредством транслитерации *Tetyushi*. В чувашском оригинале в контексте строки *вёреннэ эсё Теччёре (учился ты в Тетюшах)* он обладает двойной семиотической функцией: констатация биографического факта о Сеспеле и метафора источника знания, творческой энергии, инициализирующая начало поэтического пути. В русскоязычной версии *Тетюши* репрезентированы не просто как географический объект, а как колыбель двух ценностей для поэта: его творческого порыва (*рождение бессмертных строк*) и глубокого личного чувства (*любви твоей начало*). Метафора *рождение бессмертных строк* подчеркивает непреходящую ценность поэтического наследия Сеспеля. Строку *с ним связано немало* можно рассматривать как перифраз. Вместо перечисления событий переводчик применяет данный прием для обозначения их глубины и богатства, затем раскрывая лишь вышеупомянутые два из них. Английский перевод вводит риторическое восклицание *oh, what a place! (о, что за место!)*, отсутствующее в оригинале, а также лексику *dear (дорогой)* в качестве интерпретации общей эмоциональной доминанты, не имеющей прямого лексического соответствия в чувашском тексте.

В оригинале сердце автора метафорически репрезентировано как источник эмоциональной и творческой энергии. Конструкция *пӑлханчӑ кӑкӑрта чӑре (взволновалось в груди сердце)* благодаря использованию олицетворения визуализирует интенсивное аффективное состояние, вызванное предстоящим контактом со значимым местом. Данная соматическая метафора символизирует инициацию поэтического дара. Переводчик на русский язык применяет модуляцию, заменяя образ-следствие *пӑлханчӑ чӑре (взволновалось сердце)* на его причину (*бессмертные строки*), что акцентирует не эмоциональное состояние, а творческий результат. В английской версии, сохраняя олицетворение, переводчик фокусируется на физиологической реакции – интенсивном сердцебиении: *my heart ... is beating in my chest so hard (сердце бьется в груди так сильно)*, смещая акцент на соматику переживания.

Эпитет *асамлӑн* в строке *асамлӑн сисрӑ туртам (волшебным образом зажглось чувство)*, характеризующий зарождение чувства, в русском переводе также подвергается модуляции и опущению, замещаясь причинной связью *любви твоей начало*. Английский текст применяет стратегию экспликации и семантического углубления, вводя два уточняющих эпитета: *childish (детский)*, *holy (святой)*. В переводе наблюдаем новую, отсутствующую в оригинале метафору *all spring days behind (весенние дни позади)*. Культурный код *spring days (весенние дни)* актуализирует семантику юности и расцвета, добавляя в текст ностальгический слой по ушедшему времени, что отсутствует в исходном тексте.

Умра – Димитриев, Сусмет.
Унтах – Бекшанский Павӑл,
Тата, ак, Нуся... шеремет, –
Тӱрех сӑкленчӑ кӑмӑл (Филиппова, 2025, с. 7).

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Сусмет была среди друзей, Димитриев, Бекшанский И Нуся – Муза жизни всей, Судьбы подарок царский (Филиппова, 2025, с. 18).	Susmet and Pavel, Nyusya... They Alive in those moving pictures With hearts and souls poetic. Hey! I see their beautiful features (Филиппова, 2025, с. 30).

Антропонимический ряд, репрезентирующий близкое окружение Сеспеля, транслируется на русский и английский языки преимущественно при помощи транслитерации. Однако в английской версии наблюдается стратегия редукции, выразившаяся в опущении *Димитриева* из текста. Эллиптическая структура фразы,

характерная для всех версий текста, имитирует взволнованную, прерывистую речь, создавая эффект визуального скольжения по дорогим лицам.

Особого внимания заслуживает трансформация образа возлюбленной поэта *Нуси*. В оригинале отношение автора Л. Филипповой эксплицировано через эпитет *шеремет (бедняжка)*, передающий глубокую жалость и сочувствие, что усилено эллипсисом и паузой, маркированной многоточием: *тата ак, Нуся ... (еще вот, Нуся)*. В переводе на русский язык просторечная лексема *шеремет (бедняжка)* подвергается метафорическому возвышению до уровня культурного концепта *Муза жизни всей*. Такая субституция отождествляет возлюбленную Сеспеля с источником вдохновения, определяющей весь творческий и жизненный путь поэта. Автор развивает эту идею в метафоре *судьбы подарок*, усиленной эпитетом *царский*. В английском переводе оценочный компонент *шеремет* полностью элиминирован, акцент смещен на внешнее совершенство, выраженное описательным оборотом *beautiful features (прекрасные черты)*. Указательная частица *ак (вот)* в чувашском тексте, маркирующая момент визуального узнавания, в переводе на английский язык компенсируется эмоционально-насыщенным восклицанием *Heu!*, которое служит смысловым кульминационным пунктом и разделителем мысли.

Далее автор выражает свое внутреннее состояние прямой психологической констатацией *сёкленчё кăмăл (поднялось настроение)*, передающей душевное преобразование, инициированное силой памяти о друзьях. В русском переводе чувство радости преобразовано в сложную метафору, связывающую категории дружбы и любви с концептами *судьбы* и *дара*. Существенная реинтерпретация наблюдается в английской версии, где конкретная эмоциональная реакция *сёкленчё кăмăл (поднялось настроение)* трансформирована в сложный образ *moving pictures (движущиеся изображения)* и *hearts and souls poetic (сердца и души поэтические)*. Данные отсутствующие в оригинале образы выполняют важные функции: метафора *moving pictures (движущиеся изображения)* создает эффект вечной жизни друзей в сознании поэта, эпитет *poetic (поэтический)* характеризует их как личностей, наделенных творческим даром, подчеркивая духовную связь, объединявшую их с Сеспелем. Кроме того, английский текст вводит олицетворение *alive (живы)*, усиливающее иллюзию реального присутствия этих людей, в то время как в оригинале оживает не их образ, а внутреннее состояние автора.

Поэт чун-чёринчи кăвар
 Сырусенче хёмленнĕ,
 Çав туйăмпа пĕр сын сеш мар,
 Пин сăлтăр хёвелленнĕ.
 Çав сăлтăрсем паян кунччен
 Çапипелех сусессĕ,
 Асаплă юрату синчен
 Симфони кёвёлессĕ (Филиппова, 2025, с. 7).

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Огонь любви и пылкость чувств, Что сердце волновали, И нежность слов, слетавших с уст, Все письма передали. И даже звезды, уловив Земной любви печали, По небу яркий свет разлив, Как солнце засияли. Уста безмолвствуют твои, А звезды все сияют И о страдальческой любви Симфонии слагают (Филиппова, 2025, с. 18-19).	The poet's fire was burning still. News of life he shared in letters. Between the lines, for master's skill – The magic, stars and love fetters. Those stars are sparkling still. Through years They cry and pray: "Do live, MishshI" In words to Queen of love we hear All pain and passion of MishshI (Филиппова, 2025, с. 30).

Метафора *кăвар (жар, огонь)* выполняет функцию центрального образа-лейтмотива в рассматриваемом фрагменте. Конструкция *поэт чун-чёринчи кăвар (огонь в сердце/душе поэта)* аккумулирует в себе ключевые смыслы, сублимирующиеся в поэтическое творчество: созидательный энтузиазм, любовь к возлюбленной Нусе, внутреннюю энергию Сеспеля. Метафора получает развитие в строке *сырусенче хёмленнĕ (в письмах разгорелся)*, которая указывает на эпистолярную практику поэта как неотъемлемую составляющую его работы. При помощи приема модуляции в русскоязычной версии абстрактный образ *чун-чёринчи кăвар (огонь в сердце/душе)* конкретизируется через устойчивые метафорические клише *огонь любви* и *пылкость чувств*. При этом глагол *хёмленнĕ (разгорелся)*, обладающий семантикой интенсивности, ослаблен до нейтрального *передали*, что нивелирует имплицированный в оригинале оттенок нарастания творческой энергии. В английском переводе наблюдаем сохранение метафоры: *poet's fire (огонь поэта)*. Однако грамматическая форма времени *was burning still (все еще горел)* акцентирует не динамику разгорания *хёмленнĕ (разгорелся)*, а перманентность, непреходящую природу творческого горения.

Метафора *пĕр сын сеш мар, пин сăлтăр хёвелленнĕ (не только один человек, тысячи звезд загорелись, как солнце)* раскрывает масштаб поэтической силы поэта, где *сăлтăрсем (звезды)* репрезентируют произведения, продолжающие излучать свет после смерти автора. Поэтический глагол *хёвелленнĕ (осолнечились)* наделяет эти светила качествами самостоятельного источника энергии, трансформируя их в новые светила. Развернутая метафора *звезды, по небу яркий свет разлив, как солнце засияли* в русскоязычном переводе точно воспроизводит авторскую

интенцию: стихи, уподобленные звездам, не только становятся достоянием народа, но и обретают статус духовного светила, символизируемого солнцем. Сохранение олицетворения усиливает одушевленность поэтического наследия. В английской версии наблюдается воспроизведение исходного образа. Однако лексема *stars* (звезды) инкорпорирована в ряд *magic, stars and love fetters* (магия, звезды, оковы любви). Это приводит к ослаблению метафорической мощи, низводя *stars* (звезды) до одного из ряда поэтических символов.

Далее в оригинале творческое наследие Сеспеля концептуализируется через музыкальную метафору *çăлтăрсем симфони кĕвĕлĕçĕ* (звезды слагают симфонию). Русский перевод сохраняет эту идею, используя адекватную метафору *симфонии слагают*, которая подчеркивает синтез отдельных произведений (звезд) в единое грандиозное наследие. В английском тексте исходный образ полностью элиминирован. Компенсаторно переводчик вводит эмоционально-насыщенное олицетворение, наделяя *stars* (звезды) человеческими чувствами и речью: *they cry and pray: "do live, MishshI"* (они плачут и молятся: «живи, Мишши!»). Олицетворение превращает поэтические произведения поэта в живые существа, общающиеся с ним. Использование прямой речи создает интенсивный драматический эффект, отсутствующий в оригинале. Прием графической акцентуации, который проявляется в написании антропонима *MishshI* с заглавной гласной в конце, визуально выделяет ударный слог и передает чувашское произношение.

Строка *çав çăлтăрсем паян кунччен çапилелех çиçеçĕ* (те звезды до сегодняшнего дня также светят), содержащая имплицитное сравнение через указание на неизменность состояния, утверждает тезис о бессмертии поэта. В русском переводе эта конструкция трансформируется в антитезу *уста безмолвствуют твои, а звезды все сияют*, акцентирующую контраст между физической смертью и вечной жизнью творчества. Английский вариант *those stars are sparkling still* (те звезды все еще сверкают) также передает идею перманентности, компенсируя утраченные смыслы за счет интерпретирующих добавок. Конструкция *between the lines, for master's skill* (между строк, мастерское умение) смещает фокус на мастерство поэтической техники, введение лексем *magic* и *holu* призвано передать сакральную и необъяснимую природу воздействия поэзии Сеспеля.

Для поэтики анализируемого контекста характерно преобладание эпитетов. Эпитет в выражении *асаплă юрату* (страдальческая любовь) акцентирует аффективную составляющую чувства, связанного с образом Нуси, подчеркивая боль и психологическое напряжение. В русскоязычном тексте применен прием прямого перевода – *страдальческая любовь*, – сохраняющий семантику оригинала. В английской версии наблюдается метафорическая трансформация. Исходный эпитет замещается комплексом образов: метафора *love fetters* (любвные оковы) передает идею несвободы и страдания, а словосочетание *all pain and passion* (вся боль и страсть) эксплицирует значение, заложенное в чувашском эпитете *асаплă* (страдальческий). Перифраз *Queen of love* (королева любви), замещающий прямое имя возлюбленной, привносит в ее образ возвышенные, хотя и штампованные романтические коннотации, нивелируя при этом исходную горькую тональность.

Примечательна также стратегия переводчика английского текста, применяющего местоимение *we* (мы) в конструкции *we hear all pain and passion* (мы слышим всю боль и страсть). Данный прием инклюзивности вовлекает читателя в дискурсивное пространство текста, трансформируя его из внешнего наблюдателя в соучастника переживания и свидетеля представленных событий. При этом в рассматриваемом контексте оригинала упомянутые переводческие решения не представлены, но появляются в повествовании позже.

Ах, Нуся, Нуся... Халĕ те
Эс тыткăна илетĕн,
Çĕр сұл иртсесĕн те
Пирте вĕри хĕлхем чĕртетĕн (Филиппова, 2025, с. 7).

Перевод на русский язык	Перевод на английский язык
Ах, Нуся, Нуся! Чудный взор... Ты и теперь пленяешь. Сто лет прошло, но до сих пор В нас искры зажигаешь (Филиппова, 2025, с. 19).	Amount of space aren't any years Nyusya, your heart captured with love, Can you in spite of tears and fears Share the hardships of your beloved? (Филиппова, 2025, с. 30-31).

Лексический повтор антропонима *Нуся* в оригинале создает эффект пронзительного, взволнованного обращения к любимой поэта, усиливая эмоциональность высказывания. Междометие *ах*, а также многоточие способствуют открытому проявлению эмоций и передают аффективную напряженность, маркируя одновременно невозможность вербального выражения всей глубины переживания. В русскоязычном переводе данная стилистическая фигура и риторическое обращение воспроизводятся дословно. Кроме того, применяется прием добавления: вводится отсутствующая в оригинале характеристика *чудный взор*, которая, углубляя портрет адресата, выполняет также метрико-ритмическую функцию. В английской версии наблюдается нивелирование указанной особенности: имя *Nyusya* употребляется однократно, а междометие элиминируется. Метафора вечной привязанности *халĕ те эс тыткăна илетĕн* (и до сих пор ты пленяешь) в русском переводе сохранена дословно: *ты и теперь пленяешь*. Английский текст, хотя и ретранслирует идею плена в метафоре *your heart captured with love* (твое сердце захвачено любовью), выстраивает на ее основе новую смысловую конструкцию, акцентирующую тему верности в испытаниях: *can you ... share the hardships of your beloved* (можешь ли ты разделить тяготы любимого).

Метафора *пирте вĕри хĕлхем чĕртетĕн* (в нас горячие искры зажигаешь), выражающая способность девушки вдохновлять, пробуждать страсть, творческий потенциал, в русском тексте передается посредством буквального

перевода *в нас искры зажигаешь*. В английском тексте исходная метафора полностью утрачивается, замещающаяся вышеупомянутой метафорой совместного бремени *share the hardships* (*разделить тяготы*). Оригинальный эпитет *вёри* (*горячий*), имплицитированный семантикой слова *хёлхем* (*искра*), замещается эмоционально тяжелыми лексемами *tears and fears* (*слезы и страхи*), характеризующими не чувство, а жизненные обстоятельства, что представляет собой креативную интерпретацию переводчика.

Применяя разговорное местоимение *пирте* (*в нас*), автор отождествляет чувашский народ, потомков Михаила Сеспеля с поэтом. Стратегия сохранения коллективной идентичности находит отражение в русском тексте – *в нас искры зажигаешь* – и имплицитно присутствует в английском переводе, где все четверостишие представляет собой один развернутый риторический вопрос. Этот прием не только делает англоязычный текст пронзительно интимным, но и вовлекает читателей-потомков поэта в дискурсивное пространство текста, проецируя внутренний диалог на уровень коллективного соучастия.

Гипербола *çёр сул иртсесён те* (*и сто лет пройдет*), утверждающая вневременной характер чувства, укорененного в исторической памяти этноса, находит отражение в переводе на русский язык: *сто лет прошло*. В английском тексте данная временная конкретика опускается, замещаясь абстрактными философскими категориями *space* (*пространство*) и *years* (*годы*).

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что перевод поэтического текста с миноритарного языка представляет собой акт целенаправленной культурной адаптации. Переводчик выполняет функцию не пассивного транслятора, а активного интерпретатора и посредника, реконструирующего поэтическую ткань исходного текста для иной лингвокультурной аудитории. Русскоязычный и англоязычный переводы, сохраняя смысловое ядро, формируют разные художественные реальности через избирательное применение трансформаций.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов. По результатам сравнительно-сопоставительного анализа выявлены значительные расхождения в стратегиях перевода на русский и английский языки, обусловленные разным культурным бэкграундом целевой аудитории. Точки соприкосновения наблюдаются на уровне передачи ключевых реалий и общей тематической канвы. Основными точками расхождения являются различающаяся эмоционально-смысловая доминанта, которую каждый перевод формирует заново, а также разные способы передачи культурно-специфических концептов и поэтической образности.

Сформировался спектр стратегий, специфичный для каждого языка перевода. Русский перевод демонстрирует стратегию романтизации и концептуализации. Он встраивает образы оригинала в знакомую русскоязычному читателю культурную парадигму. Английский перевод характеризуется драматизацией и эмоциональной экспрессией. Он ориентирован на создание непосредственного эффекта для международной аудитории. Общими приемами для пар языков чувашский – русский и чувашский – английский могут быть выделены транслитерация имен собственных, модуляция, опущение, экспликация, добавление.

На основе выявленных стратегий и приемов создана таксономия переводческих решений, систематизирующая подходы к передаче культурно-специфических концептов, поэтических образов и эмоциональной доминанты.

Установлена системная закономерность адекватного перевода поэзии с миноритарного языка. Адекватность достигается не буквальной передачей, она обеспечивается креативной реинтерпретацией образной системы в рамках культурных кодов языка-реципиента при условии сохранения смыслового ядра оригинала.

В качестве перспектив исследования заявленной проблематики можно назвать дальнейшее изучение в русле сравнительно-сопоставительного анализа особенностей перевода чувашского поэтического текста для выявления универсальных и специфичных переводческих стратегий и приемов для пар языков чувашский – русский и чувашский – английский, а также для определения специфики переводческих решений при работе с миноритарным языком.

Материалы исследования | Research materials

1. Филиппова (Михайлова) Л. И. «Сеспёл йёрёпе» (поэма на пяти языках). Чебоксары: ООО «РИБ “Плакат”», 2025.

Источники | References

1. Артемьева И. Н. Теория и практика перевода. СПб.: РГГМУ, 2020.
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода). М.: Ленанд, 2023.
3. Беднова Ю. А. Особенности перевода средств выразительности с английского языка на русский в романе Ф. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Филология: научные исследования. 2022. № 6. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.6.38110>
4. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
5. Демьянков В. З. Перевод как путешествие по возможному и невозможному мирам // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 3. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-2>

6. Жирова И. Г., Филиппова И. Н., Епифанцева Н. Г. Теория и практика перевода в диахронии и современной научной парадигме: коллективная монография. М.: ГУП, 2023.
7. Иванова А. И. Особенности воспроизведения художественной образности при переводе с чувашского языка на русский и английский языки (на материале трагедии М. Карягиной «Серебряное войско») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 5. <https://doi.org/10.30853/phil20250289>
8. Камилова С. Э. О стратегии художественного перевода (на материале узбекской прозы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 3. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.3.10>
9. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Альянс, 2023.
10. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: ЛКИ, 2023.
11. Манерко Л. А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 1.
12. Огнева Е. А., Высочина В. Д. Переводческий трансфер интегративности текстовых пейзажных моделей произведения Ш. Бронте «Джейн Эйр» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 11. <https://doi.org/10.30853/phil20250650>
13. Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода (коммуникативно-функциональный подход). М.: Издательство ВКН, 2019.
14. Хвесько Т. В., Басуева Н. Ю. Актуализация авторских интенций в художественном тексте // Язык и культура. 2024. № 68.

Информация об авторах | Author information

RU**Иванова Алена Ивановна¹**, к. экон. н., доц.¹ Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары**EN****Alena Ivanovna Ivanova¹**, PhD¹ Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary¹ translation2005@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.12.2025; опубликовано online (published online): 28.01.2026.

Ключевые слова (keywords): художественный перевод; перевод с чувашского языка; переводческие трансформации; таксономия переводческих решений; поэма о Сеспеле; literary translation; translation from the Chuvash language; translation transformations; taxonomy of translation solutions; poem about Sespel.